

ХОЧУ ОСТАТЬСЯ ВЕРНЫМ СВОЕЙ КОНЕЧНОЙ ЦЕЛИ...

СТЕНОГРАММА
собрания писателей, посвященного обсуждению романа
М. Ауэзова «Абай»,
1, 2 и 3 книги «Путь Абая».
гор. Алма-Ата

12 августа 1953 года
1 час дня.
Утреннее заседание

Председательствует т. Джаймурзин.

Председатель: Начнем работу. Слово имеет тов. Абетов. Подготовиться тов. Ахинжанову.

Тов. Абетов: Роман Ауэзова «Абай» является историческим романом, созданным в советский период. В дооктябрьский период жанр романа в казахской литературе не получил своего развития. Создать и развивать почти отсутствующий жанр было делом нелегким, но советским казахским прозаикам, при активной помощи партии и правительства, удалось преодолеть все трудности, и они с успехом справились со своей задачей. Благодаря этому проза стала в казахской литературе ведущим жанром.

Историко-биографический роман имеет свои специфические особенности. Создание такого большого историко-биографического полотна, как роман «Абай», требует всесторонней творческой разработки тем. Оно требует правдивого изображения исторической действительности данного периода, а также соответствия создаваемого автором образа с исторической личностью и т. п.

М. Ауэзов в своем романе «Абай» в основном справился с этой задачей. Все же в романе имеются некоторые недостатки. Мне хочется остановиться на некоторых моментах в романе.

Роман «Абай» крупное полотно со сложной композицией. В нем в основном протянуты параллельно идущие две сюжетные линии. Первая и главная линия сюжета построена вокруг самого героя романа – Абая. Она изображает ту среду, откуда выходит сам Абай. Эта среда – верхушка феодально-патриархального общества, т. е. родовая знать и их круг, господствующие в то время.

Вторая сюжетная линия посвящена показу народных масс и их представителей, их отношения к господствующему классу.

Сюжетная линия, изображающая ту среду, откуда выходит Абай, красной нитью проходит через весь роман, широко и красочно рисуется автором.

Сюжетная линия, посвященная раскрытию образов представителей народных масс и показу дум и чаяний народа, является менее красочной и не совсем ясной.

Отсюда и выступает тот основной недостаток романа, который заключается в том, что эти две сюжетные линии являются неравносильными. Можно ли было в романе не показать первую сюжетную линию, т. е. среду феодальной родовой знати? Конечно, нет. Потому что Абай вышел из этой среды, рос и воспитывался там. На почве ненависти к насилию, жестокости и угнетению, у героя романа появляется антипатия к своей среде и жалость и симпатия к угнетенной народной массе. Для того чтобы показать, на основании чего у героя романа складывались отрицательные взгляды к своей среде, автору нужно было до костей разоблачить представителей этой верхушки. Герой романа, отрицая гнусные проделки их, отходит от них, и у него формируются демократические мировоззрения. Не рисуя среду феодальной верхушки, нельзя было бы изобразить историческую действительность той эпохи, в которой жил Абай, нельзя было бы сохранить жанровые особенности историко-биографического романа. Некоторые наши критики изображение этой среды рассматривают как идеализацию старины автором. И они не считают с теми необходимостями, которые требуют показа этой среды с ее богатствами, нажитыми за счет трудового народа, с ее жесткостями, присущими ей чертами. Но нельзя считать роман целиком построенным на идеализации прошлого, хотя в нем в отдельных эпитетах наблюдаются увлечения автора чрезмерным описанием этой среды.

Народная линия сюжета противопоставляется этой первой линии. В основном эта линия развивается при помощи показа борьбы народных масс и представителей против насилия, зла и жестокости представителей феодальной верхушки. Эта борьба происходит на основе классового расслоения в казахском ауле. Виды борьбы у них обуславливаются экономическим положением, бытом народа. В романе они борются за землю, совершают набеги с целью барымты и т. д.

Борьба за землю – за хорошие зимовки, пастбища, джайляу между сильными и слабыми родами может иметь и общенародной характер. Земля – пастбища, зимовки, джайляу – являлись основным орудием производства в скотоводческом хозяйстве кочевого быта. Без земли, без пастбищ – нельзя было бы и развести скот. Скот – это продукция земли, а скот для них – основное средство существования. Таким образом, и родовая верхушка, и угнетенные народные массы того же рода не могли жить без земли, т. е. весь народ нуждался в земле, в пастбищах, зимовках, джайляу. Когда сильные роды вытесняют слабые из их лучших земель – это затрагивает коренные интересы народных масс этого же слабого рода. Они, весь народ, лишаются средств существования. Отсюда и возникает борьба между родами. Внешне эта борьба похожа на борьбу родовой знати тех или иных родов, поскольку борьбу возглавляет феодальная верхушка рода, а масса – только следует за ними. На самом деле народная масса идет на борьбу ради земли. Родовая знать старается использовать недовольство масс и в своих интересах. Борьба народных масс в определенную историческую эпоху приобретает свою определенную форму. Одной из таких форм борьбы является и барымта. В романе барымта происходит внутри рода, против родовой знати. Борьбу между родами, описываемую в романе, нельзя рассматривать как борьбу только родовой знати двух родов за свои земли и лишенных всякого интереса народных масс.

Некоторые наши критики, не вникая в сущность действительных причин возникновения борьбы между родами, причины того, почему народные массы поддерживают в этой борьбе феодальную верхушку своего рода, возглавляющего борьбу, и включаются сами в борьбу, односторонне оценивают эту борьбу только как родовую борьбу.

Роман построен на показе недовольства народных масс в борьбе за землю – за средства существования в родовом быту. Это является исторической действитель-

ностью того времени. Автор сумел правдиво и реально раскрыть в романе эти особенности родового общества. Это и является основным конфликтом, развивающим сюжетную линию и раскрывающим идейное содержание романа.

Эти идеи осуществляются в романе через образы Балагазы и Базаралы. В них влито все недовольство народных масс против родовой верхушки вроде Такежана и др. Они отстаивают интересы народа, являются смелыми, храбрыми борцами за народное дело. Но они не достигли уровня общенародного героя, влекущего за собой народные массы. Все же эти образы заключают в себе народные идеи. Почему эти выразители народных дум и чаяний не сумели вести за собой весь народ. Потому, что каждый член рода был зависим от самого рода. Земля принадлежала роду, как выше указано, они не могли жить без земли. Ради земли каждый был прикован к своему роду. Во главе рода стояла феодальная знать. Она и имела все господство во всех отношениях в роде. В родовом строе отделяться от рода было бы немыслимо. Во второй половине XIX века, с проникновением элемента капитализма в Казахстан, родовой строй стал разлагаться, и в эту пору возникли такие представители народа как Балагазы и Базаралы, которые открыто выступали против родовой знати. Хотя рядовой строй был расшатан, но он все же существовал. Поэтому Балагазы и Базаралы не сумели повлечь за собой народные массы на борьбу [против] родовой знати.

Примером разложения родового строя является образ Даркембая. Он отделяется от своего рода и присоединяется к жатакам, подобным себе, отделившимся от рода. Даркембай – положительный образ. Он возникает в казахской степи в связи с разложением родового строя. Он типичный представитель народа, живя еще в роде, он нес в себе народные идеи. Был готов принять решительные меры для отстаивания народных интересов. Тогда весь род во главе с Божеем поднимается против Кунанбая, его насилия, гнев Даркембая превосходит всех. Он готов выстрелить в Кунанбая, но Божей останавливает его. Здесь Даркембай не просто защитник Божее, нет, он защитник интересов народной массы, обиженного рода, и лишь поэтому его ненависть превосходит ненависть родовой знати, вроде Божее к Кунанбаю.

В родовом обществе, как Балагазы и Базаралы, он тоже не мог оторвать народные массы от рода и повлечь их за собой, и в тот период, когда он сам отделился от рода, таких как он, которых можно было вовлечь за собой, было мало. Жатаки не были движущими силами общества, и этой силой тогда являлся родовой строй.

Образ основного положительного героя романа Абая раскрыт автором не односторонне. Во-первых, Абай в романе выступает как представитель демократии и прогрессивный мыслитель, несмотря на то, что он выходил из феодальной среды, но он сумел оторваться от этой среды и стать проводником прогрессивной народной идеи. Одним из первых в казахской степи он поднял знамя дружбы народов между русским и казахским народами. Высоко оценивая русскую культуру, он призывал свой народ к сближению с русскими и обучению детей в русской школе, изучению русской науки и культуры. Все эти отличительные черты Абая в романе даются автором в раскрытии мировоззрения героя от феодального интеллигента до народного просветителя. Абай – не государственный деятель, для того чтобы совершить переворот или сделать реформу в обществе. Он всего лишь мыслитель, творческая личность. Его деятельность развивается только в идейном направлении и творчестве. Поэтому мы не можем требовать от автора, чтобы его Абай совершил революцию в феодально-патриархальном обществе. Во-вторых, в романе выведено, как складывается образ Абая-поэта, человека творчества. Абай воспринимает все окружающее, происходящее действие, явления как поэт, с особым чувством, с особым переживанием, с поэтической душой. Действия

окружающих в его уме оставляют отпечатки в виде творчески обработанных песенных строк, которые впоследствии выливаются в определенные произведения Абая. Некоторые критики говорят, что в романе нет образа Абая. Они исходят из того, что в романе Абай не совершает революции, но поднимает народные массы на восстание против родовой знати, и они упускают из вида то, что Абай является человеком творчества, развивающимся в идейном направлении. В романе есть образы такого Абая – просветителя, Абая – поэта. И все это автором показано очень тонко и умело. Вместе с тем, язык романа заслуживает особого внимания. Стоит особо подчеркнуть заслугу автора в развитии казахского литературного языка, в создании жанрового романа. Простой народный фольклорный язык казахского народа поднимается до уровня национального культурного литературного языка. Фольклорный казахский язык, обрабатываясь в романе, приобретает новые художественные качества и культурную национальную форму и в полном блеске встает перед нами в сложных композициях: в степном пейзаже, в живом диалоге, в последовательном повествовании, в передаче переживаний персонажа, в раскрытии характера, в тонкости чувств, в создании портрета. В этих композициях автор сумел широко и творчески использовать все богатства простого фольклорного языка и передать читателю тончайшие оттенки явлений и действий. Простой казахский язык в романе с предельной ясностью передает беспредельную красоту пейзажа, особые интонации диалога, оригинальные портреты, широкие характеры, тонкости переживаний и пылающую огнем любовь, с особым темпераментом пропитанную оптимизмом, стремящуюся к свободе личности.

Из всего сказанного вытекает такой вывод, что роман «Абай» Ауэзова является положительным романом, проникнутым национальным колоритом характера литературного языка, впервые с такой полнотой рисующим национальный быт казахского народа. Несмотря на некоторые недостатки, роман «Абай» является крупным достижением казахской советской литературы, результатом роста культуры казахской социалистической нации. К недостаткам романа относится то, что образы представителей народных масс недостаточно ясны. Классовое расслоение и противоречия внутри рода полностью не раскрыты. Автор больше уделяет внимания изображению феодальной среды. Автору необходимо учесть этот недостаток романа и внести соответствующие исправления. Все это является творческим недостатком романа, и он вполне исправим. Некоторые критики считают эти недостатки грубой политической ошибкой и пытаются добиться изъятия романа как идейно порочного произведения. Некоторые товарищи хватают через край, они стремятся опорочить все, что написано Ауэзовым, и выставить Ауэзова, как открытого врага. К таким людям относятся т. Нурушев. Тов. Нурушев в своей статье, опубликованной в № 4 «Вестника АН КазССР» за 1953 г. на стр. 13, указывая на некоторые ошибки М. Ауэзова по абаеведению, утверждает, что у т. Ауэзова и после 1932 г. не произошло никаких изменений, и он (Ауэзов) остался таким же, каким был до 1932 г. Такая критика вызвана лишь стремлением уничтожить Ауэзова, а не указать на его ошибки.

Партийная критика должна быть направлена на исправление тех или иных ошибок. Тов. Нурушев извращает эту линию партийной критики, направив ее в корыстных целях, именно на уничтожение Ауэзова, а не на исправление его недостатков. Критика в руках Нурушева является оружием, при помощи которого он стремится очистить себе дорогу, правдами и неправдами он старается опорочить встречного и поперечного.

В том же номере «Вестника» на стр. № 11 он писал: «Ауэзов предложил своему аспиранту т. Дюйсенову тему о творчестве Тажибаева», а в действительности т. Дюйсенов взял эту тему у него, когда был руководителем не Ауэзов, а Шалабаев.

Этим он хочет сказать, что аспирант Дюйсенов находится в одной группировке с Ауэзовым. Таким методом, Нурушев постоянно обвиняет тех или иных товарищей, относя их к какой-то якобы существующей группировке. Он старается выжить всех, кто ему, кажется, мешает работать в Академии. С такой лишь целью он преследовал Ауэзова, с этой же целью он сейчас «критикует» М. С. Сильченко. Сейчас в секторе литературы Академии Нурушев является единственным работником с ученой степенью. Но почему же он сейчас, когда ему никто не мешает, не дает своих научных трудов? Хотя он давно работает в Академии, но со времени защиты и до сих пор он не дал ни одного научного труда.

Газета «Социалистик Қазақстан» в статье «Об одном лжеученом» от 1 апреля 1952 г. справедливо указала на то, что т. Нурушев является беспомощным ученым, который в течение трех лет ничего не дал. Хотя факты, указанные в статье, подтвердились, но дирекция института языка и литературы АН КазССР до сих пор либеральничает. Такова деятельность бесплодного карьериста т. Нурушева.

«Литературная газета» от 30 мая с. г. справедливо указала на таких критиков, которые «...в дальнейшем... стали на путь политической спекуляции своими былыми заслугами, смешали в кучу верное и неверное, и с помощью обвинений в буржуазном национализме, окриков и угроз начали шельмовать подряд многих честных советских писателей и литературоведов, допуская в своей творческой и научной работе отдельные идейные срывы и ошибки».

Тов. Нурушев также извращает партийный принцип критики. Если бы он придерживался партийного принципа критики, то он бы критиковал и других. На самом деле у него получается не так. Недавно т. Нурушев даже оппонировал диссертацию положительным отзывом т. Гумаровой, написанную на основе антинаучной методологии.

Председатель: Слово предоставляется т. Ахинжанову.

Тов. Ахинжанов: *(Выступает на казахском языке.)*

Председатель: Слово имеет т. Дильдабеков.

Тов. Дильдабеков: Дорогие товарищи! Вспомните 1939 год. В этом году появилось крупное историческое полотно «Ботагоз». Мы, маленькие читатели одного из маленьких кустанайских аулов, читали поочередно единственный экземпляр этой замечательной книги – приобретенной нашей школьной библиотекой, и часто проводили громкие читки. Что это значит, товарищи. Это значит, что эта книга еще тогда превратилась в настольную книгу каждого читателя. Уважаемый писатель Сабит Муканов еще тогда завоевал глубокую любовь своих читателей.

Каково же было наше удивление, когда мы, читатели, увидели в нашей печати рецензии, порочащие значение этой выдающейся книги. Я был просто потрясен, когда прочел рецензию Кенжебаева на эту книгу. Он сводил на нет все думы и переживания, всю радость писателя. Он хотел очернить, как в свое время пытались РАППовцы одним росчерком своего тупого, бездушного пера вычеркнуть это выдающееся произведение. Но спасибо тем критикам, которые дали сильный отпор некоторым критикам-клеветникам.

Спустя 14 лет, когда я прочел подвальную статью, опубликованную в «Казахстанской правде», меня, уже взрослого читателя, еще сильнее потрясло несправедливое отношение в такой солидной газете к роману «Абай», уже завоевавшему достаточную славу среди своих многочисленных читателей. Читатели читают эту замечательную книгу уже три года. Настоящая критика на какую-либо вещь дается читателем, народом, но еще среди нас слышатся писклявые, но нахальные голоса некоторых критиков-клеветников, старающихся вычеркнуть из казахской советской литературы такое могучее произведение, как роман «Абай».

Здесь будет нелишним, товарищи, еще раз вспомнить басню великого Крылова «Слон и Моська», к сожалению, еще имеются герои-Моськи этой басни и среди нас.

Критикуйте наши недостатки, говорил великий Сталин, но не превращайте критику в рекламные сенсации. Эти мудрые слова великого вождя должны помнить ежечасно, ежеминутно и наши критики, литературоведы. Кто из нас не знает ту большую благородную заслугу уважаемого Мухтара Ауэзова, внесшего большой вклад в советскую казахскую литературу. Если еще есть среди нас критики очковтиратели, то наша читательская обязанность дать надлежащий отпор любому клеветнику, старающемуся ввести в заблуждение читателей. Но пусть такие критики помнят, что не те времена. Трудности существуют для того, чтобы их преодолеть. Пусть они пока поживут среди нас, а то обидно нам, поколениям наших старших товарищей, не увидеть их хотя бы один раз, и мы должны и обязаны пресечь путь всяким проявлениям ненормальной, несоветской критики в литературе.

Великий Максим Горький говорил, что книга – самое надежное, самое лучшее средство, через которое можно ознакомиться с жизнью, бытом, культурой других народов. Как радостно нам узнать, что выдающиеся произведения нашей казахской советской литературы переводятся на многие языки, даже на языки народов зарубежных стран. Появление таких больших полотен, как «Ботагоз», «Абай», «Караганда» являются крупными достижениями нашей советской казахской литературы. Однако, противореча мнению читателей, некоторые товарищи из «Казахстанской правды», прикрываясь лозунгом псевдонаучной критики, хотели выбросить в мусорный ящик такое исключительно значительное произведение Мухтара Ауэзова – «Абай». Трус – автор этой статьи, он побоялся поставить свою подпись, он побоялся голоса читателей. Если товарищи из «Казахстанской правды» считают эту статью редакционной, то я не знаю, что говорить. Неужели там, в редакции этой газеты, не нашелся хотя бы один читатель, уважающий такое большое историческое произведение? Однако довольно об этой статье. Достоинство этой книги никем не оспоримо. Разве отдельные недочеты могут заслонить ее достоинства? Конечно, нет. О достоинстве романа уже много сказано и пересказано, но меня удивляет то обстоятельство, что будто бы образ главного героя (как пишется в этой статье) не раскрыт. Разве остается только говорить: нет, этот критик не читал внимательно и полностью роман «Абай», а если читал, то только с намерением делать из частных фраз, отрывая их друг от друга, из отдельных недочетов писателя – общий вывод и тем самым привести в заблуждение читателей. Однако мы не те читатели. Пусть эти отщепенцы рапповской групповщины думают, хотя они сами еще существуют среди нас, но читателей их времен больше нет. Нас никакой уже критик не в силах обмануть и одурманить наши головы всякими бреднями. Мы видим, что белое, что черное, так же знаем, что хорошо и что плохо. Не только образ Абая, но и образ Азимбая – третьего поколения Кунанбая в книге «Путь Абая» раскрывается с такой полнотой, что остается только радоваться замечательному мастерству писателя. Мухтар Ауэзов, обрисовывая быт богачей, оставляет порой в тени быт простого трудового народа. Все эти великолепные одежды, эти крылатые кони созданы и выращены трудовым народом. Как хорошо было бы, если бы писатель в следующих изданиях учитывал и эти стороны. По-моему, именно образ Оспана дан неверно в том отношении, когда после его смерти раскаивается его брат Абай. Абай в тяжелые годы своей жизни будто бы ищет опору не среди своих народных друзей, а у брата Оспана. Если Абай действительно переживал и проливал горькие слезы над гробом Оспана, то не является ли это моментом кризиса его духовного искания и душевного расстройства. Надо полнее показать и пессимистические настроения великого поэта в эту пору, как слабость его. Создавший «Ревизор» и «Мертвые

души» Гоголь остается великим писателем, хотя он в конце своей жизни душевно был расстроен и написал свои последние записки.

Одно слово о газете «Казахстанская правда». Не случайно, что в последнее время в «Казахстанской правде» стали появляться статьи, порочащие многолетние труды наших писателей. Еще недавно постоянными авторами этой газеты были буржуазные националисты, а сейчас работают проходимцы в этой газете.

Газета – партийный орган, она является массовой общественной газетой, и если товарищи из «Казправды» не поняли до сих пор этого, то общественность сметет со страниц «Казправды» эти статьи вместе с их авторами.

Одно слово о писателе Мухтаре Ауэзове. Он наш – советский писатель, мы не отдадим его в руки клеветников-критиков. И готовы, защищая его от выпадов этих критиков, указать на недостатки, недочеты и пожелать ему, чтобы он еще плодотворней работал, чем прежде, еще сильнее использовал свое замечательное писательское мастерство, свой многолетний большой опыт.

Тов. Жандильдин: Товарищи, мы собрались сюда, чтобы обменяться мнениями, указать недостатки, поэтому высказывания товарищей должны иметь целью, как помочь автору вскрыть эти недостатки, указать пути автору, как нужно исправить эти ошибки. Однако из выступлений многих товарищей получается величание.

Я думаю, что о достоинствах романа товарищи говорили правильно, но некоторые выступления не имеют никакой критики и не достигают поставленной задачи.

Последнее выступление тов. Дильдабекова не соответствует действительности, с его утверждением согласиться нельзя о том, что раньше в «Казправде» выступали буржуазные националисты, а теперь выступают проходимцы. Такое выступление неправильно. Конечно, в работе «Казправды» имеются некоторые недочеты, как и во всякой газете, но сказать, что «Казахстанская правда» такая газета, в которой выступают только проходимцы – это неправильно. Газета является органом Центрального Комитета партии Казахстана, который следит за этой газетой и руководит этой газетой и не может допустить, чтобы на страницах «Казправды» выступали проходимцы. (*Дильдабеков: «Я сказал – некоторые».*) Такое выступление не соответствует правде, оно неправильно.

Председатель: Слово имеет т. Кабдолов.

Тов. Кабдолов: Многие мои мысли по поводу романа «Абай» отражены во вчерашнем довольно развернутом и обстоятельном, как справедливо говорили некоторые товарищи, докладе т. Ахтанова. Я здесь буду говорить несколько конкретно по второй книге романа «Абай».

Вторая книга «Абай» является центральной книгой единого исторического цикла Мухтара Ауэзова о великом казахском поэте и просветителе. Она является центральной не только потому, что завершает диологию и связывает с ней остальные книги цикла, но и потому (это главное), что именно в этой книге лежит тенденция писателя, определяющая идейно-тематическую основу всей эпопеи.

В чем заключается достоинство второй книги? На такой вопрос очень коротко можно ответить так: писатель в своем романе создал целую галерею ярких образов положительных и отрицательных героев во главе с Абаем и Кунанбаем. Это главная задача художественной литературы на реалистическом фоне мастерски выполняется писателем. Особенно ярко нарисован монументальный, многогранный образ Абая, с большой художественной силой раскрыты благородные черты поэта, философа, пламенного гуманиста просветителя, смелого борца за новую жизнь, который увидел в русском народе великого друга. Хорошо запоминается коварный деспот Кунанбай, его злой соперник Божей, мудрый Даркембай, благородный Базаралы и другие. Следует подчеркнуть удачно созданные, овеянные поэзией женские

образы: доброй бабушки поэта Зере, кроткой матери Улжан, первой любви Абая, чистой Тогжан, светлой Айгерим, смелой Куандык, умной Салтанат и других. Изображению быта казахов XIX века и пейзажу казахской степи посвящены ярчайшие страницы романа. Высокую оценку заслуживает язык романа – меткий, выразительный, богатый, гибкий и красивый, его тонкий психологический оттенок, ибо тусклыми и бледными красками, вялым и бесцветным языком невозможно создать яркий человеческий характер.

Умело построена композиция: роман действительно течет быстро, читается с увлечением, как говорит писатель Всеволод Иванов.

Вот основные художественные достоинства романа, удостоенного Сталинской премии, хорошо известны советскому читателю.

Но в данном случае, нас больше всего интересует идейное направление романа. Поэтому и здесь, говоря о положительной стороне второй книги, буду останавливаться на принципиально важных для разрешения некоторых споров по поводу этого произведения тесно связанных между собой двух вопросах. Это две главные сюжетные линии во второй книге, составляющие идейную основу произведения. Это, во-первых, Абай и народ, во-вторых, Абай и русская культура. Народ – творец истории. Без него нет и истории. Поэтому в историческом романе в центре внимания должен стоять народ, главную роль должен играть он, так как любая прогрессивная историческая личность (Абай в данном случае) без народа немислима. Как известно, в первой книге диалогии народ всегда не занимал своего места, терялся среди баев и феодалов – представителей разных родов и племен. Несмотря на то, что советскому читателю вместе с Абаем нужна не история феодальной верхушки казахской степи, а история казахской бедноты, представляющая казахский народ в целом, не межплеменная грызня феодалов, а классовая борьба народа за свободу, надо прямо сказать, писатель Ауэзов большое внимание уделил описанию жизни и быта байского аула, с увлечением изображая не социальное неравенство эксплуатируемого класса, а силу или бессилие того или иного племени, их вожаков. Больше всего были изображены беззаботная жизнь, богатство, разные церемонии баев и феодалов. Исходя из этого, газета «Правда» сделала писателю Ауэзову очень справедливое замечание в идеализации феодального прошлого казахского аула в первой книге, что безусловно следует учесть автору. Этот пробел во второй книге значительно заполнен писателем. Здесь в лице Копжатака выступает народ и начинает играть свою роль. Отсюда и начинается связь Абая с широкими слоями трудящихся масс. Отсюда и начинается совершенно иная картина: борьба теперь происходит не между феодалами, как Кунанбай и Божей, в первой книге, а между представителями классов. Есть ее достаточные мотивировки, социальные причины. Стихийный бунт бедноты против жестокой расправы Тентек и местных правителей воспринимается читателем, как законное ее явление в жизни казахского народа в XIX веке. На фоне этого события и раскрывается облик отдельных героев, особенно таких, как руководитель бедноты – мудрый старик Даркембай. Связь с этой беднотой, ее представителями поднимает образ Абая на новую, более высокую ступень. Гражданская жизнь Абая начинается как раз отсюда. Он прав, когда говорит Даркембаю: «Зло и нужда охватили народ. И это открыло тебе глаза, ты стал зорок, как сокол... Ты не только себе, ты и мне глаза открыл...».

Короче, можно заключить, что во второй книге «Абая» есть народ – бедняки, у которых, по словам его яркого представителя Даркембая, «и жизнь, и мысли – общие...» Жить их жизнью, их думами и чаяниями, заступаясь за них, постепенно превращается в смысл жизни самого Абая. В конце книги ощущается, что сила поэта в его связи с народом, в его заботе в приобщении к культуре народа.

Абай как поэт и просветитель – продукт русского влияния. Без русской культуры нет и Абая. Поэтому показать связь Абая с передовыми представителями русского народа, отношение его к русской культуре – было главной и решающей задачей, стоящей перед писателем. Можно сказать смело, что М. Ауэзов во второй книге успешно справился и с этой задачей. Рост Абая в романе закономерный. Он вырос в реакционно-феодальной среде, на фоне байского произвола, насилия над беззащитными, убийства безвинных бедных, воспитывался в мусульманском медресе. Однако он, будучи совсем юным, измерил всю бездну человеческих страданий, возмущался царящими на свете, вокруг себя жестокостью и несправедливостью, хотя не мог видеть корней зла. Абай растет, постепенно мужает, расширяется его кругозор, выходит из-под опеки своей семьи, вступает во внутренний поединок с отцом, в единоборстве с несправедливостью, что как раз положено в основу сюжета романа. Но он пока еще не понимает корней зла, думает, что причина зла заключается в несправедливости отдельных людей. Такое ограничение мировоззрения Абая обусловлено отсталостью жизни дореволюционной глухой степи с ее кочевым укладом.

Вот здесь к нему на помощь и приходят представители русской интеллигенции. Абаю раскрывают глаза на мир лишь знакомство и замечательные беседы с русским ссыльным Михайловым во второй книге. Причем умный и отважный русский человек открыл перед Абаем две России. Под впечатлением бесед с Михайловым и другими ссыльными Абай приходит к убеждению, что единственный путь к свободе и счастью – это путь русского народа. Для того, чтобы идти казахскому народу по этому пути, прежде всего, надо обладать русской культурой, сблизиться с русским народом.

Таким образом, Абай становится ревностным просветителем своего народа, глашатаем русско-казахской дружбы. Раскрывается теперь во всей полноте его творческий дар. Таково благотворное воздействие на Абая задушевного совета Михайлова.

М. Ауэзов в своем романе убеждает читателя в том, что Абай стал Абаем в результате русского влияния. Вот Абай, зрелый и смелый, на вершине своей сорокалетней жизни смотрит с холма в просторную степь. «Вдохновенный взор поэта видит перед собой уже не степь, а море – спокойную, тихую гладь водных просторов. По этому морю жизни плывет одинокий корабль. Подняв паруса, он уходит в неведомый, но чудесный, озаренный светом путь, к неведомым далеким берегам. На парусах его начертано: «Борьба и надежда». Корабль, поднявший на себе надежды народа, плывет к гавани, имя которой – грядущее. Этот корабль Абая прокладывает в мир широкий прямой, уверенный путь».

Места, изображающие чтение и перевод Абаем Пушкина, самые поэтичные в романе. Автор рисует эту сцену с горячей любовью и вдохновением. Читая эти ярчайшие страницы, читатель действительно чувствует, что великий Пушкин «вступил в простор казахских степей, ведя за руку милую свою Татьяну. Он принес в эти просторы радость своих песен, а его Татьяна пришла, как близкая, как родная всем, и научила молодые сердца казахов тому языку искреннего чувства, каким еще никто не говорил в казахской степи».

Таким образом, указанные выше две сюжетные линии, лежащие в идейно-тематической основе второй книги, решаются автором правильно, что ни в коем случае не дает повода опорочить роман.

Но это не значит, что в произведении нет недостатков. И в этой книге есть недостатки и порою ошибки, которые необходимо автору изжить. И вторая книга не совсем свободна от некоторого любования изображением феодального быта.

Выезд Кунанбая в Мекку в первой главе как-то превращается во всеобщую затею. Со стороны окружающих Кунанбая людей, в том числе и Абая, даже самого автора, проявляются симпатии к нему. Перед отъездом в гостиной Тинибая Кунанбай произносит умные слова, вроде завета всему своему окружению. Там есть и такие слова, как: «Вы прожили дружно, уважая друг друга». И оставляя провожающих, Кунанбай произносит: «Передайте привет и земле, и моему народу», что следует в корне пересмотреть. Особенно с большим любованием описывается богатство Иргизбаев. Кунанбая провожает в путь весь город торжественно, парадно и нарядно. «Щегольская повозка, запряженная тройкой темно-рыжих, выехала из широких ворот, грохоча и звеня колокольчиками. За нею вереницей протянулись провожающие – кто на телегах, кто верхом. Шумный поезд, поднимая тучи пыли, с грохотом растянулся по всей улице. Жители города, и стар, и мал, с любопытством провожали путников – кто стоя у ворот, кто высунувшись из окна» (стр. 403).

Такое описание писателя, нам кажется действительно любопытным. Оно не только [не] отталкивает читателя ненужной байской церемонией, а наоборот, привлекает к ней. По-нашему, эту сцену можно и нужно было изобразить так, чтобы читатель чувствовал, что богатство и радость Кунанбаев – нужда и слезы бедняков.

Прав докладчик, когда он говорит, что одну вещь можно изобразить и так, и этак. Из этого и вытекает идея писателя. Следовало бы М. Ауэзову прелесть байских торжеств показать по-горьковски, с обличительной остротой, а не с любованием. Об этом следует подумать автору при переработке книги.

Неуместно и то, когда Абай как бы в ответ Даркембаю, проявившему протест против Кунанбая, «достал из кармана сторублевую и, отдав ее Киясбаю, сам проводил их со двора». Душевной, духовной боли сироты Киясбая нельзя вылечить сторублевой, тем более такому гуманному человеку, как Абай. Абай, как мы знаем, заступник казахских женщин, протестующих против своего бесправия, против диких институтов адата и шариата. А в романе Ауэзов пишет о том, как сам Абай отдал калым за Айгерим, фактически покупая ее. По-нашему, было бы лучше, если бы здесь Абай не дал калым, впервые в степи разгромляя тем самым старые традиции феодализма.

Теперь автору надо учесть, что не обязательно выводить на сцену всех родных и братьев Абая, окружать ими его. Такой «принцип» неправилен и порочен. Как мы знаем, одной из основных причин возникновения буржуазно-националистической концепции «школы Абая» был этот чуждый методу социалистического реализма «принцип». Нельзя мириться с этим. Разве можно согласиться с автором, когда здесь, во второй книге, изображены положительными людьми такие как Шакен (Шакерим) Кудайбердиев, Тураш, Кокпай и другие, среди которых есть впоследствии разоблаченные враги народа. Причем действительно, в романе подчеркивается их красота. К примеру, достаточно взять из казахского оригинала изображение Шакена. *(Зачитывает на казахском языке, стр. 146.)*

Вот над этим и следует автору глубоко задуматься. Таков характер основных недостатков и некоторых ошибок второй книги романа «Абай».

Председательствующий: Слово предоставляется тов. Дюсембаеву. Подготовиться т. Филатову.

Тов. Дюсембаев: Большинство выступавших товарищей, как и следовало ожидать, высказались в духе той оценки, которая была дана партийной печатью роману «Абай» Мухтара Ауэзова.

Вместе с тем, говоря о достоинствах романа, следует отметить и те замечания, которые напрашиваются при чтении романа. Тем не менее, говоря о таком большом труде, заключающем в себе свыше тысячи страниц, который охватывает полувеко-

вую жизнь казахского народа, волей или неволей, каждый выступающий товарищ должен остановиться и на недочетах романа.

Второе – некоторые товарищи бросили упрек, что Абай в начале своей деятельности, вернее, еще мальчиком начинает восхищаться отдельными казахскими акынами. Автор хотел показать постепенное развитие образа Абая. В данном случае я хотел привести пример. Вы знаете произведение... *(по-казахски)*. Поэтому здесь обращение Абая к Шортанбаю и ... Надо было бы с самого начала указать Мухтару Омархановичу, а у него получается любование внешней стороной.

Товарищи в своих выступлениях совершенно правильно заметили этот недостаток, но это не столь большое значение имеет для романа. Второе. Большинство товарищей говорили о том, что Мухтар Ауэзов... Я думаю, что мы должны исходить из того, что каждый автор, каждый советский писатель должен определенно относиться к описываемому явлению. Советский писатель должен быть глубоко тенденциозным, т. е. когда он описывает то или иное явление, он должен показать свое отношение к данному явлению. Он должен объективно подходить к вопросу и не увлекаться внешней стороной. Автор должен раскрывать свое отношение, критиковать то или иное явление. На мой взгляд, М. Ауэзов, как знаток казахской жизни, зачастую забывает о роли советского писателя и не показывает, что является народным, а что феодальным. Эту сторону вопроса в будущих своих произведениях он должен обдумать и учесть.

Еще одно замечание. Товарищи говорили, и мне кажется правильным то, что необходимо указать борьбу Абая с пантюристами и националистами. Это заявление товарищей правильно, потому что должно быть указано идейное столкновение на почве борьбы за прогрессивное будущее, которое ведется с участием Абая и другими прогрессивными людьми. Они призывают народ к борьбе за прогрессивные идеи, потому что они считали, что казахский народ не может развиваться, не может прийти к счастливому будущему без помощи русского народа. Это правильная прогрессивная мысль. Были еще и другие мысли, другие группы людей, которые преследовали другие цели, чтобы отказаться от России, преследовали пантюристские направления, чтобы оторваться от России. Конечно, Абай не мог оставаться от этого в стороне, но вчера выступавший товарищ привел материалы, как Абай отрицательно относился к этому вопросу. Если Мухтар Омарханович не мог привести это во второй книге, можно было поставить этот вопрос в третьей книге или отразить в заключительной книге, без этого не можем Абая видеть другим, мы хотим видеть Абая таким, каким мы его любим и чтим сейчас.

Последнее замечание, здесь некоторые товарищи высказались, приводили разные теоретические положения, говорили в отношении теории литературы, о необходимости разбора, анализа художественного произведения. Одни товарищи советовали, что надо преследовать душу. Я хотел бы сказать, что теория хороша, если есть душа – и душа хорошая вещь, но если проявляются обстоятельства и поступки этой души, поэтому без той среды, в которой вращается герой, нельзя оценить произведение писателя. Заканчивая свое выступление, я хотел сказать, пусть не сочтут за восхваление книги Абая, но, что в действительности нельзя не сказать, это то, что роман «Абай» является по своему исполнению, замыслу художественно-мастерским, настоящим художественным произведением.

Здесь т. Ауэзов очень многое воспринял от русских классиков, эта учеба прошла не просто так, а в сочетании с русским идеализмом. Дальше мне хотелось бы выразить мое личное убеждение в отношении произведения автора, здесь говорили, что это хорошее произведение, и мы его высоко ценим, но вместе с тем есть и некоторые недостатки, шероховатости, срывы, и мое пожелание, чтобы автор в

дальнейшем учел все эти наши скромные советы и сделал его более художественным и критически идейным.

Председатель: Объявляется перерыв на 10 минут.

После перерыва.

Председатель: Слово предоставляется т. Филатову.

Т. Филатов: Я не согласен с тем местом из романа Ауэзова «Абай», где он говорит о бесстрастном отношении автора романа «Абай» к некоторым моментам, изображающим феодальную действительность. Если прочесть 1-ю и 2-ю книги, эпизоды из жизни лиц, окружающих Абая, то становится ясным своеобразный подбор художественных средств, штрихов и выразительных тонов, взятых Ауэзовым.

Если рассмотреть жизнь и обстановку таких лиц как Абай и его приближенных, то создается впечатление, что писатель восхищается изображаемым им бытом казахской родовой знати, традициями, патриархальными обычаями дореволюционного аула, что говорит не о бесстрастии автора, а о его пристрастии. Эта ошибка цепко вплелась в роман.

Образ Абая показан талантливо и сильно, и он во многом затемняет, но не устраняет этой ошибки. Хотелось бы, чтобы т. Ауэзов пересмотрел свое отношение к данному замыслу, чтобы дореволюционный аул был изображен более реально.

Вот о чем мне хотелось бы сказать. Что касается критики выступающих в печати, хотя я не слышал устно критику на все произведение в целом, критику литературного толка, то это та критика, о которой сказал Маяковский, что между читателем и писателем стоят посредники, а вкусы у посредников очень средненькие. Если человек не любит литературу, то он во что бы то ни стало и всегда отыщет массу недостатков, в любом даже гениальном творении. До самобытного, истинно ценного в произведении ему дела нет. Эта черта свойственна нездоровой критике, которая должна быть осуждена.

Роман «Абай» заслуживает хорошего отношения к нему.

Председатель: Слово имеет т. Абишев.

Тов. Абишев: *(говорит на казахском языке).*

Председатель: Слово имеет т. Бегалин.

Тов. Бегалин: *(говорит на казахском языке).*

Председатель: Слово имеет т. Тиесов

Тов. Тиесов: *(говорит на казахском языке).*

Председатель: Слово имеет т. Ауэзов.

Тов. Ауэзов: Товарищи, свое выступление я, хотя и ограничен регламентом, хочу начать, прежде всего, с глубокой искренней благодарности писательской организации, нашей общественности, критически, дружелюбно расположенных к казахской советской литературе, к нашей социалистической культуре, общественности, которая уделяла серьезное внимание моему творчеству, и на очень важных серьезных этапах эта общественность мне помогала и, по-моему, и сейчас помогает. Прежде всего, как и это должно быть, я обращаю внимание на доклад. Доклад по поводу таких произведений в известной мере определяет уровень убеждений каждого из нас, определяет известный уровень критической мысли нашей писательской среды нашей республики. Доклад т. Ахтанова показал весьма наглядно, что в молодом поколении растут очень интересные силы, представители хорошей, передовой, объективной критической мысли, что они умеют болеть душой за дело литературы, умеют вникать в особенности художественной литературы, в сокровенную сущность произведений и вместе с автором с радостью высказываться за достоинства

и болеть душой за недостатки, и стараться помочь исправить эти недостатки. В данном случае доклад т. Ахтанова с его высказываниями о положительных моментах романа и об отдельных недостатках его показал значительный уровень критической мысли в нашей писательской среде. Также и в выступлениях товарищей.

Здесь я слышал мнения, очень ответственные выношенные мысли моих современников – писателей, прозаиков. Правда, вчера и сегодня не выступали, но на президиуме выступали т. Мусрепов и т. Муканов по этому вопросу.

С самого дня опубликования романа, с появлением первой книги в печати в 1941 г. у меня хранится одно большое выступление тов. Мусрепова по поводу романа «Абай». Это было одно из самых значительных выступлений, глубоко продуманных и талантливых выступлений. Это, конечно, не значит, что не было у него промахов, ведь критики критикуют произведение, но и у критиков свои недостатки. Таким образом, высказанные отдельные положительные мнения, критика недостатков помогли мне в написании второй и даже третьей книги. Многие мысли писателей, критиков помогали мне, помогают и будут помогать, и особенно много пользы я извлекаю из этих мыслей для новых изданий своих книг «Абай», «Путь Абая», и особенно для завершения последней книги этого цикла. Извлеку много пользы из этого двухдневного совещания, из того доклада, который здесь заслушан.

Здесь высказаны мнения писателей, мнения, которые для меня дороги, мнения, с которыми я обязан считаться.

Я выслушал мнения ответственно мыслящих людей, одновременно со мною творящих в области художественной прозы, таких товарищей как тов. Мустафин, т. Абишев, т. Бегалин, т. Тиесов – прозаиков, и выслушал мнение драматургов, я выслушал мнение отдельных наших критиков. Все они желают одного, все исходили из объективной принципиальной заинтересованности в том, чтобы роман Ауэзова «Абай» был достоин светлой памяти великого казахского поэта, просветителя Абая. И в этом случае у нас общая цель.

Когда вы решаете достоинства романа, вы этим самым поднимаете достоинство казахской литературы, когда вы указываете на недостатки в произведении, поднимаете на более высокую степень, делаете его более зрелым, более полноценным.

Такие объективные замечания, когда тревожные искания читателей сливаются с мыслью писателя, это самые счастливые моменты наших встреч, и в этом смысле наше объединение – наш Союз советских писателей оказывается объединяющим началом. Болезненного я в этом ничего не вижу и видеть не хочу.

Должен сказать, что я всеми мерами, всеми силами, насколько это мне удастся (вам это видней), стараюсь прислушиваться к полезной для меня критике. Об этом много примеров можно вспомнить и во многих фактах можно найти подтверждение того, что я говорю в данном случае. Я не хочу быть косным, закостенелым или упрямым автором. Я чутко прислушиваюсь к полезным для меня советам, и наши общие усилия направлены к одной цели.

Роман на одном русском языке издан массовым тиражом 4 раза, в том числе Свердловским издательством он издан 75-тысячным тиражом. На одном русском языке роман издан полумиллионным тиражом. Я получаю ежедневно много писем от русских читателей, и ни в одном случае роман не принимается как панисламистское, как буржуазное идеологическое произведение. Во всяком случае, взыскательный читатель говорит, что цель романа «Абай» – рассказать о жизни казахского народа.

Я слышал, мне передавали содержание отдельных высказываний на страницах заграничной печати демократических республик, в частности на страницах польской демократической печати, чешской, словацкой и других, где были положительные высказывания.

На основании того, что роману присвоена Сталинская премия, на основании того, что высказывались положительно о романе «Абай», если бы я допустил такую мысль, что мое произведение находится на недосыгаемой высоте, что оно не подлежит критике, я был бы слеп. И этого никогда не могло быть. На справедливую критику я отвечаю с огромной благодарностью. Поэтому был прав М. С. Сильченко, который говорил, что до сих пор роман расхваливался взхлеб, и, что это в некоторой степени мешало автору. Вероятно, мешало.

На казахском языке «Абай» издается только в третий раз. Первый раз он издавался в 1949 г. 1949 год – это год присвоения роману Сталинской премии, это год, когда наша общественность ликовала, когда все говорили только о положительных сторонах романа. Для меня очень ценно и полезно, что вначале роман воспринимался хорошо самой общественностью, для которой написан роман. Сама партия, весь советский народ рассматривают это произведение в таком виде, чтобы то, что сделано хорошо, стало лучшим, а лучшее стало превосходным, а не для того, чтобы его уничтожить. Какой автор не поймет такое искреннее желание помощи.

В этом отношении все, что обозначено под знаком дружеской помощи, под знаком объективного подхода, я с благодарностью воспринимаю. Я буду к своему роману обращаться, отойдя на 11-летнее расстояние от первого тома. Первый том вышел в 1942 году, отойдя на это расстояние от выхода первого тома, вместе с вашими мыслями, высказываниями, критикой может быть многое еще вами не сказано, но прочувствовано, я буду дорабатывать произведение. По-моему, иначе немислимо творческое сознание, серьезное отношение людей в литературе. Мы знаем об этом отношении, учимся и воспринимаем великие традиции великих русских классиков, которые по десять раз писали свои произведения. Автор «Фауста» Гёте до своей смерти сорок раз исправлял это произведение. Как я могу оставить свой роман в том виде, как он был написан 10 лет тому назад. Я уже не такой, история не такая, многое пересмотрено. Ошибался Ауэзов, ошибалось общество в смысле оценки прошлого, а вместе с обществом ошибался и я, будучи человеком более старшего поколения, иногда вносил ошибочные мысли, поэтому я должен пересмотреть свое произведение и пересматривать буду постоянно, чтобы совершенствовать его, потому что 10 лет спустя, на современном этапе многое изменилось и, если еще 10 лет спустя общество уделит такое внимание и коллектив поставит вопрос о том, что роман требует еще доработки, может быть еще при нашей жизни общество даст новое пополнение к роману, новые точки зрения, пока жив Ауэзов и жива его книга, он должен совершенствоваться и принимать все указания общества и классиков мировой литературы, но и наших советских писателей.

В этом отношении Александр Александрович Фадеев дает нам хороший пример. В связи с этой мыслью я хочу сделать еще одну оговорку, что писатель должен представлять жизнь дифференцированно, и его произведение должно быть понятно всем помогающим ему товарищам, должно быть понятно и каждому читателю, помогая автору, нужно одновременно указывать и на недостатки литературного движения известной эпохи, и одновременно нужно указать на глубокие позитивные программные достижения автора. К чему сводится историческая деятельность Пушкина, Лермонтова, Белинского, разве только к тому, чтобы указать недостатки? Нет, она сводится к умению раскрыть и показать современность. В чем ценность «Евгения Онегина» Пушкина, в чем ценность натуральной школы учения Гоголя, в чем ценность высокохудожественной, высоко взволнованной поэзии Лермонтова? Вскрытием достоинств произведения тоже помогают, помогают, вскрывая недостатки и указывая на то, как не надо писать, помогают, указывая на достоинства произведения. Это традиция нашей советской литературы и нашей советской обще-

ственности, это воспринято так, как оно было в русской литературе. Вы, например, знаете, что сейчас есть критики, которые получили Сталинскую премию за то, что хорошо вскрыли достоинства произведений советских писателей, например Берта Яковлевна Брайнина получила Сталинскую премию за то, что хорошо вскрыла достоинства романов Федина, или Евгений Озольков получил Сталинскую премию за то, что вскрыл достоинства произведений Якуба Колоса и т. д. Так что пусть люди не становятся на такой ошибочный путь, что если кто указывает на положительные качества, на достоинства произведения, то это должно именоваться апологетом.

В данном случае наше собрание, начиная с доклада и кончая последним выступлением, было весьма содержательным. Последние два собрания показывают, насколько выросла, стала культурной, плодотворной критическая мысль. Я с восхищением могу вспомнить выступления отдельных товарищей. Правда, много эти товарищи вынашивали свои мысли, будучи критиками романа «Абай», некоторые были рецензентами, например: гг. Мустафин, Абишев. Тов. Мусрепов – когда произведение еще не было напечатано, по первой и второй книгам помогал мне своими высказываниями. Такой молодой исследователь как Лизунова вынашивала очень много мыслей о романе, мыслей зрелых. Она представила на высоком культурном уровне свои выводы и заключения. Алимкулов, вскрывая достоинства и недостатки романа, высказал зрелые выводы и заключения. Очень интересно, с точки зрения научной работы, высказывание Ахинжанова как историка. Я не могу перечислить всех товарищей, но считаю необходимым, но должен сказать, что очень ценные мысли как человека, хорошо знающего действительность казахского прошлого, высказал т. Бегалин.

Все это говорит о том, что задача по осмысливанию и освоению романа достигла своей цели, было очень много продумано. Не значит ли это, что все высказанные мысли идут в ту или иную редакцию книги! Значит ли это, что в общем и целом оценивая дружеское стремление помочь мне, я согласен с каждым высказыванием товарищей? Это будет неискренне. Одновременно с вами я признаю, что вы очень ответственно продумали свои мысли, но я тоже немало думал. Я написал три книги объемом 1200 страниц. Когда я их писал, я тоже продумывал, значит я исследовал, я тоже продумал, значит у меня есть свои положения, мотивировки, кроме того, я над этими произведениями работал в течение 8 лет (1942–1950 гг.), работая над этими книгами, я тоже очень много думал, и отдельные свои думы я воплощал в произведения, и по отдельным критическим тезисам роман тоже спорит иногда с главами, иногда страницами, иногда живыми героями, иногда отдельными событиями. Ведь известно, что не только критик критикует книгу, но ведь уровень критики тоже определяет, в какой степени определена зрелая мысль. Поэтому было бы неправильно и фальшиво, если бы я сказал, что все сказанное здесь я принимаю.

Два дня здесь товарищи высказывались и принесли сюда много серьезных мыслей. Поэтому все то, что я слышал здесь, я принимаю как руководство к исполнению и как брошенное семя, которое, может быть, взойдет в будущих книгах. А для своих раздумий я оставляю часть мыслей.

Часть мыслей, высказанных здесь, я признаю правильной, и приму ее как руководство к действию. Часть же я оставляю для своих свободных, вольных, независимых размышлений в дальнейшем.

Поэтому было бы неправильно, если бы я сегодня сказал, что вот вы мне сегодня сделали замечание, и я в такой-то книге эти места исправляю. Многое и в моем отношении к этой книге очень ответственно продумано, по отдельным моментам критических замечаний можно спорить. Ведь вы видите, что произведение искусства, любого порядка, не дважды два четыре. Но все положения воспринимаются в определенном радиусе. Все зависит от того, каким боком вы повернете, с каких позиций

смотрите. К каждому произведению искусства, а словесного искусства особенно, можно приложить и ту, и другую мерку. В данном случае я исключаю тенденциозное отношение, которое имело место в отношении романа «Абай», но в области самой взыскательной, самой добросовестной и целеустремленной критики имеется много положений, которые надо воспринимать очень обдуманно и предлагать, принимать между прочим, надо также очень обдуманно. Исходя из этого положения, я хочу все услышанные здесь замечания, начиная с докладчика, разбить на три группы...

Первая группа – это мысли, которые я считаю недостатком своим, которые я безусловно, должен исправить, и это не терпит никаких отлагательств. Это должно быть в каждом издании исправлено. Это первая группа замечаний.

Сегодня общественность пришла на помощь, высказав очень много настоящих, зрелых, глубоких, искренних мыслей, которые без взволнованности слушать нельзя.

Самая высокая оценка роману дана не только историческим летом 1949 года и не только высказываниями, многочисленными высказываниями, которые были на страницах печати, но и вчера, и сегодня выступавшими критиками, писателями.

Из всех этих высказываний нашей общественности есть некоторые положения, которые сразу и без оговорки я принимаю. И должен их принять к исполнению с сегодняшнего дня. Но вместе с тем есть положение, вторая группа вопросов, над которыми я буду думать, в иных случаях спора, буду думать. Есть группа вопросов, повторяю, над которыми я буду думать, оспаривая. Но и за эти мысли я должен выразить большую благодарность, многие из этих замечаний, если не будут приняты во внимание в первом же издании, то будут приняты во внимание в последующих изданиях. Некоторые положения будут внесены уже в новой редакции книги, есть книги, которые являются темой жизни, в данном случае охватывающая полувековой период жизни казахского народа. В эту книгу, конечно, постепенно будут вноситься исправления, но когда, в какой мере – над этим я буду думать.

Есть третья категория замечаний, вернее нападков, выпадов, которые с возмущением отрицаю, отвергаю, и вместе со мной отбрасывает их, отвергает и отрицает вся наша общественность, потому что общественность являет мнение всего советского народа, казахского народа, и эта общественность, народ не может дать на поруганье свою ценность, если даже есть явное желание изничтожить всеми незаконными и нечестными средствами. Общественность не даст эту ценность на поругание, партия не даст.

Вот такая категория высказываний, на которых я не буду особенно останавливаться, но мимо которых нельзя проходить, поэтому о них я скажу после.

Что я считаю, безусловно, правильным замечанием. Во-первых, многое уже мной сделано, исправлено, в недавнем издании первой книги романа «Абай» я изменил свое отношение к Дулату. Это была личность, о которой в 1942 г., когда я издавал роман, во всех учебниках и программах говорилось, что это представитель, акын всенародной идеологии. А так как нужно было, прежде всего, говорить о положительном влиянии носителей духовной культуры на психологию формировавшейся личности Абая, то совершенно условно любой другой акын мог быть взят, и так же писалось бы о нем. Все, что о нем написано у меня, все его движения, его пение, его образ, все это исходит от меня. И если сегодня Дулат чужд обществу, то образ его не чужд обществу, это полностью моя интерпретация, имя Дулата, поэтому этого Дулата я отсюда снимаю.

Недостатком этой книги является – время нас исправляет. Ошибки начинаются от Бухар Жырау до Шортанбая... Критику в этом отношении я считаю правильной, это является недостатком и не только недостатком, это превратилось в политическую ошибку, в идеализацию образов феодалов.

Вчера т. Мустафин высказал очень оригинальную мысль о том, что я привожу алаш-ордынца Тураша как влияющего на Абая. Я должен сказать, что он пуговицу создает величиной с верблюда. Это, безусловно, моя ошибка, я не должен упоминать Тураша. Он упоминается два раза. Но из этого горе-критики раздули такую мысль, что алаш-ордынец Тураш идеализируется с точки зрения его влияния на Абая. Это чудовищная ложь. Конечно, это упоминание ошибочное, я не должен был этого делать, но и нужно было прямо сказать, что это ошибка, а не превращать меня в сегодняшнего националиста. Это безграмотное, беззастенчивое обвинение. Эту ошибку очень легко исправить.

Были допущены ошибки в отношении романа... Мои ошибки, по мнению товарищей, заключаются в том, что я популяризирую отдельных акынов в качестве учеников Абая. Я в том же году на 8 печатных листах говорил: я прошу, чтобы вычеркнуть из нашей памяти... и что должна быть написана новая книга «Пути Абая». «Путь Абая» исправляет мои ошибки по поводу концепции о школе Абая, а во-вторых, коренным образом изменяется...

Сегодня товарищи говорили, что в стадии «Пути Абая» нужно разоблачать не только как противников Абая, как носителей панисламизма, и т. д.

Товарищи, «Пути Абая» это очень сложные пути... помните, что нужно читать между строк.

Когда Шубар говорит, что Абай ведет казахский народ, тогда Абдрахман отвечает, что это ведет к спасению русской культуры, дана ориентация на ислам, другая – продолжение дела Абая, которая усваивается русской демократической литературой через традиции Некрасова. Это же в «Пути Абая», разрываются главные узы, причем исторически роман «Путь Абая» доходит до 90-х годов, у меня до 1904 г., и за эти годы исторически наибольшее получает распространение панисламизм, пантюркизм, может быть в Азербайджан и Татарию проникает панисламизм, пантюркизм, и одновременно с ним совершенствовался буржуазный национализм. И самые видные представители, которые вошли первыми депутатами в Государственную Думу, все это имеет место в четвертой книге, которая завершает пройденный исторический путь Абая, от Кодара до первой русской революции, и Абай в четвертой книге будет находиться больше среди городской бедноты, и здесь говорится в отношении зарождения рабочего класса, над чем я и работаю.

В некоторых случаях критики забегают вперед и предъявляют счет на то, что хотят видеть сегодня, тогда как следовало этот счет предъявить последующим этапам.

С 13-летнего отрока до 60 лет Абай будет проходить путь в 4-й книге. Поэтому позвольте мне в пределах, ограничивающих жизнь человека, располагать, развертывать события по исторической последовательности, как это было. Что было бы, если бы русский писатель, желая показать революционный русский рабочий класс революции 1905 года, перенес вас на 900-е годы. Точно так же и здесь, поэтому никакой перетасовки делать нельзя, и в моей книге все эти события рождаются в тех пределах, как это соответствует исторической и художественной правде.

Таким образом, разбор Шубара и Кокпая будет в 4-й книге, и замечания в отношении того, что Шубар и Кокпай нужны, я отнесу к 4-й книге, которые, живя вместе, будут вредить Абаю, а в 1934 году Шубар найдет смерть в горах во время кулацкого восстания. При жизни Абая его предательская деятельность, я имею в виду Шубара, еще не выступает, он свое забрало еще не снимет, но когда товарищи говорят об ошибочной практике, о школе Абая, упускают один момент. Когда писали биографию Абая, был введен момент т..., и я воспринял на веру. Это стоило дорого нашему обществу и мне самому. Это была большая политическая ошибка.

Я в 1939 г. написал и прошу вспомнить трагедию «Абай». Было написано либретто оперы, поставили картину «Песня степей» – разве не дифференцированно представляется среда, окружающая Абая. Там представлены панисламисты, там происходят события 1903–1905 гг. Абай уже преклонных лет, накануне своей смерти, и в то же время показан, как Шубар. К этой мысли я давно себя подготовил и давно творчески работаю. Не думайте, что идея отрицания школы Абая возникла только в 1951 г. Это было в 1939 г., в наших творческих поисках. Спорным был вопрос, достаточно ли показан Кенесары. Была ошибка, я недостаточно раскрывал реакционную и феодальную сущность. Это я исправляю. Из первой группы признанных нами правильно критических замечаний со стороны нашей общественности я образ Шубара принимаю к исправлению в 4-й книге. Там эти люди несут еще большую нагрузку в смысле противодействующих Абаю сил. Они будут союзниками лидера буржуазного национализма. Там будет показано о его отношении к Абаю, о его стремлении склонить на свою сторону Абая. Теперь у меня об этом есть очень интересные данные.

В отношении «Акын-ага» у меня было много ошибок, я это исправлю. Это связано с Кенесары. Должен сказать, что мною написано о Кенесары достаточно, но надо помнить, что образ Кенесары показывается тогда, когда Абаю было 13 лет.

События происходили на расстоянии 120 верст. Мог ли Абай в то время дать правильную оценку событиям, связанным с Кенесары? В этом отношении я сделал исправления и на этой своей позиции настаиваю. Я даю разоблачение Кенесары устами зрелого Абая и идеологов Кенесары. Разоблачаю Дармена. Таким образом, в последней редакции исправляю ошибку «Акын-ага». Я дал дальше освещение этого вопроса, который волнует многие умы. Теперь дальше, из замечаний многих наших выступавших товарищей, а также из доклада, что я имею в виду принять к исполнению? Это когда дается картина аса. Здесь была авторская ремарка, указывающая в нескольких местах на отношение автора. Я все эти положения очень хорошо помню, но вместе с тем я вас прошу помнить, что Абай даже в 13-ти, в 16-ти, в 18-ти и даже в 24-летнем возрасте, покуда он не взял мысли русских демократов, покуда он не столкнулся с передовой мыслью, Абай сам постичь этого не мог; Абай очень медленно рос в своем идейном становлении. *(Цитирует на казахском языке.)* Это собственные слова Абая. Я не рискую перевести их по-русски, но всем ясно, что критической мысли тогда не было. «Я был покорен, считая святыми хитрость и гнев»

То, что кулачные порядки считались закономерными, и Абай тоже считал за закономерными эти порядки. Кругозор Абая расширялся постепенно. На все явления степной жизни Абай смотрел через призму того времени. Горизонт его расширялся постепенно, и постепенно он начинал видеть социально-историческую сущность того времени. А ведь вся передовая мысль Казахстана в народе самом зрела постепенно, очень медленно. И так показано в романе постепенное прозревание Абая.

Первую книгу многие критикуют, но есть много людей, которые считают, что положения, высказанные в первой книге, правильны. Я, конечно, буду думать над этим, но надо понять, как постепенно 13-летний Абай прозревает до мысли восприимчивого человека, постепенно он начинает воспринимать с материалистической точкой зрения многие явления общественной жизни и природы. Все это доходило до него через мысли русских революционных демократов. Я хочу только вкратце перечислить те моменты, над которыми я буду думать. По первому разделу принятых мною замечаний считаю, что по поводу аса, где отражено положение представителей бедноты, здесь будут внесены изменения в книгу. У него есть отдельные промахи, и к этим промахам мы можем приписать те ошибки, касающиеся описания красот быта, довольства достатка байской семьи, юрты и т. п.

Это получилось в результате того, что я переоценил значение реалистического искусства, я исходил из мысли, что до сих пор в казахской литературе не отражены те или иные особенности, и хочется о них поведать. Если бы за моей спиной, как за спиной русских писателей, были произведения Тургенева, Гончарова, Гоголя и т. д., то действительно не надо было бы и описывать быт, но перед нами мало что было, поэтому хотелось побольше, пошире дать этот материал. И в этом отношении были излишние увлечения. Это правильно, но они легко могут быть сняты или эти места будут даны с раскрытием сейчас же противоречивых, разоблачающих картин той действительности, которая описана.

Вот Абаю устраивают пышное торжество, и в то же время – как эта мишура развенчивается. Или Кунанбай уходит пышно, но когда..., разве это не разоблачает хищническую сущность Кунанбая. Или же вот даются картины охоты, и сразу же за этим дается картина трехдневного жуткого бурана, когда люди мечутся, как бараны, когда природа для них, как злая мачеха, когда казах описывается, как бесхитростное дитя, когда все расценивается призрачно.

Не всегда автор должен дописывать, иной раз читателю самому нужно дополнять, воспринимать. В то же время я буду думать над снятием отдельных моментов, моментов увлечения внешними описаниями быта. Для моих раздумий остается целый ряд положений, которые я записал, и которые я здесь не буду перечислять ввиду ограниченности времени. Может быть, в более тесной писательской среде я перечислю эти положения, если это нужно, и по ним будут вносить мои исправления.

Несколько слов в отношении третьей категории высказываний по поводу романа «Абай». Товарищи со вчерашнего дня говорили совершенно правильно, что есть отдельные люди, которые абсолютно далеки от интересов литературы, далеки от тех задач, которые ставит партия, народ перед советскими писателями, которые одержимы какими-то личными, уродливыми явлениями в их мышлении, которые считают своей задачей изничтожить все. В этом смысле был и здесь рецидив – это выступление Досалиева. Правду говоря, гневаться грешно, смеяться – жаль смеха, это было бы смешно, если бы не было так печально.

Вот это продолжение рецидивов. Возьмите недавнее выступление в «Вестнике Академии наук Казахской ССР» под редакцией Сауранбаева в 4-м номере, где поносится Ауэзов. Им организована целая группа материалов, специально уничтожающих автора.

Здесь мне говорят о недостатках, об ошибках, я верю и благодарен за эти замечания. Говорят, что настоящее обсуждение является помощью писателю. Я думаю не только писателю, но и самой общественности. Поэтому общественность помогает не только автору, но и себе самой. Я обращаюсь с просьбой, что необходимо оградить советскую литературу, советских писателей от всех и всяких хулителей и корыстных людей, которые приходят в литературу не ради интереса, а для того, чтобы около литературы оправдать свое призрачное существование. Вот от таких людей нужно ограждать писателя, это и есть закономерная помощь писателю. Этой помощи я ожидаю и обращаюсь к высшей нашей инстанции, которая представляет и ум, и честь, и совесть.

Председатель: Слово для заключения имеет т. Ахтанов.

Тов. Ахтанов: Товарищи, я заключать долго не стану, все выступающие товарищи указывали на достоинства романа «Абай» и на недостатки. В этих высказываниях расхождений особых нет. Выступления товарищей дополнили доклад, и они находятся в одном направлении с докладом.

Я должен сказать, что наша общественность очень справедливо подошла к разбору произведения «Абай» и оказала большую, хорошую, дружескую помощь

писателю. В основном все замечания товарищей, которые были высказаны с этой трибуны вчера и сегодня, сводятся к двум моментам, т. е. наша общественность ставит перед писателями свои требования в двух направлениях: усилить показ противоречий в казахском дореволюционном ауле, показать трудящихся, простых людей. Вот эти требования автор должен принять, потому что когда мы говорили и писали в печати, что «Абай» это этнография, описание быта, жизни казахского простого народа, как сказал выступающий товарищ, – мудрость, сокровище народа сохранилось в простом народе. Все это сделает роман еще более полнокровным с точки зрения показа казахского народа.

Допустим, например, нужно описать путь табунщиков-казахов, которые всю зиму проводят на отгоне – этот путь интересно знать читателям, путь мужественных тружеников-казахов и ряд интересных взаимоотношений, которые одновременно раскрывают эти классовые взаимоотношения. Но здесь хотелось бы показать другое, а именно, серьезную идейную линию борьбы, здесь рецептов давать нельзя, но автор должен задуматься над теми замечаниями, которые были сделаны. Вы показали Абая, но нужно показать его в связи с устным творчеством. Вы неплохо показали акынов – устное творчество, но одновременно Абай, оценив устное творчество акынов, указал на некоторых из них, которые восхваляли феодалов. Эти столкновения, эту борьбу Абая можно и должно отразить в первой, второй или третьей книгах романа. Это должен тоже автор учесть.

Мне кажется, если эти две главные линии замечаний, которые высказаны товарищами на этом собрании, будут автором учтены при разработке в дальнейшем своего романа, остальные частные замечания поглощаются этой разработкой и сами собой будут восполнены. Что касается основных достоинств романа, товарищи справедливо оценили достоинство, и действительно это большое произведение. Сегодня наше собрание, как справедливо отмечали товарищи, еще полезно и тем, что своим справедливым отношением к произведению нашего писателя были сделаны правильные критические замечания, и следует также сказать, о некоторых рецидивах заушательской, «заушной» критики, которые имели место в практике нашей литературной критики, и этому как раз наша общественность дала правильный отпор тем, которые нахально охаивают многие достижения нашей казахской литературы, и, которые проходят до такого уважаемого нами органа, как «Казахстанская правда». Эти критики вместо анализа берут отдельные факты, подтасовывают их и создают чудовищные взаимоотношения. В отношении такой критики мы слышали вчера, и такую заушательскую критику мы должны осудить и оберегать от такой критики нашу литературу. Мы должны окружить нашу литературу справедливой дружеской критикой и, если нужно, строго критиковать имеющиеся недостатки. В этом отношении наше собрание послужило хорошим началом, и от имени президиума, организовавшего это собрание, мы должны выразить нашей общественности большую благодарность за активное участие в этом собрании и за те ценные мысли, которые высказаны товарищами.

Председатель: На этом собрание, посвященное обсуждению романа «Абай», объявляю закрытым.

